

ОЛЫГА
ДАШКОВА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Барыя, я ваша НАВЕКИ

Ольга Дашкова

Боря, я Ваша навеки

«Автор»

2026

Дашкова О. В.

Боря, я Ваша навеки / О. В. Дашкова — «Автор», 2026

Военный в отпуске и Рыжая пышка с характером. Бычок по имени Борька и бабушка, которая уже назначила дату свадьбы. Отличное начало для летнего, деревенского романа! Борис Ушаков приехал в Зеленые Петушки «до полного восстановления». Вероника Самойлова встретила его пинком своему бычку и фразой:— А вы, товарищ военный, в следующий раз смотрите по сторонам. У нас тут не парадный плац. Он хромает и скрывает рану. Она прячет старые шрамы и никого ближе забора не подпускает. Между ними колкие фразы и слишком маленькая деревня, где секретов не бывает.

© Дашкова О. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Борис	5
Глава 2. Вероника	8
Глава 3. Борис	11
Глава 4. Вероника	14
Глава 5. Борис	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Ольга Дашкова

Боря, я Ваша навеки

Глава 1. Борис

Такси остановилось на границе асфальта и цивилизации. Дальше начиналась грунтовка, которую местные, видимо, из вежливости называли дорогой.

– Дальше не поеду, командир, – водитель покосился на мою сумку с таким видом, будто там лежала не смена белья, а граната без чеки. – Подвеску жалко.

– Понял. Спасибо, что довезли.

Расплатился, вылез, закинул рюкзак на плечо, и в ту же секунду левый бок отозвался на резкое движение глухим, тянущим «спасибо, что напомнил».

Стиснул зубы, выдохнул через нос. Спокойно. Медленно. Как учили, только не в госпитале, а сейчас, себе самому.

Тридцать два года, Ушаков. Взрослый мужик, а шипишь, как чайник.

Такси развернулось и укатило, обдав меня пылью. Деревня явно решила встретить меня по всем правилам гостеприимства. Огляделся. Домики, пруд, куры, где-то вдалеке мычит корова, и вывеска на въезде: покосившаяся табличка «Зеленые Петушки» с петухом, который от старости больше напоминал вымершего птеродактиля.

Ну здравствуй, тыловая база. Заслуженный отдых, чтоб его.

Отдых мне прописали не по моей воле, а три медкомиссии подряд, одна настойчивее другой, и итог один: «до полного восстановления». Формулировка вежливая. По факту это списали в резерв, пока не соберусь по кусочкам. Я не спорил. Спорить с врачами так же продуктивно, как спорить с бетонной стеной, разве что стена не выписывает справки.

Дом бабушки нашел без труда. Резные наличники, герань на окнах, и сама баба Тоня уже неслась мне навстречу по двору, через калитку, с прытью, которую я, если честно, от женщины ее возраста не ожидал.

– Боренька! Внучек! – она обхватила меня руками и, кажется, попыталась приподнять, что при разнице в весе выглядело скорее трогательно, чем реалистично. – Дай на тебя посмотреть! Похудел! Возмужал! Военный, орел!

– Здравствуй, баб Тонь.

– А форма-то без погон, что ж не при параде?

– В отпуске, бабуль. Погоны дома оставил.

– Оно и правильно, – она деловито оглядела меня с ног до головы, будто прицениваясь к теленку на рынке, – а то девки у нас пугливые, форму как увидят – сразу в обморок или замуж проситься начинают. Оно тебе надо?

Не надо. Определенно не надо.

Не успел ответить, калитка соседнего двора хлопнула, и оттуда, звеня ведром, вышла крупная белая утка с таким видом, словно ее сорвали с важного совещания. Утка остановилась, посмотрела на меня одним глазом, оценивая, стою ли я вообще ее внимания, и громко, возмущенно крякнула.

– Марго, не груби гостю! – прикрикнула баба Тоня. – Это утка Григория, соседа. Характер – кремень, вся в хозяина.

Час от часу не легче. Уже познакомился с местной элитой.

Баба Тоня пошла вперед, а едва я сделал шаг к калитке, как позади послышался тяжелый, уверенный топот, и явно не человеческий. Я обернулся и увидел рыжего бычка с наглой мордой и явным намерением немедленно выяснить отношения с новым объектом на своей территории.

– Твою ж... – начал я, но договорить не успел.

Бычок опустил голову и пошел в атаку с прямой, которой позавидовал бы иной штурмовой батальон. Реакция сработала раньше мысли – сместился в сторону, готовясь принять удар корпусом, а не боком, где сидела моя маленькая личная тайна в виде шва, который я предпочитал не афишировать.

Но развернуться полностью не успел, левая нога, будто вспомнив, что она мне, вообще-то, не до конца подчиняется, предательски подвернулась.

Вот и все. Меня, боевого офицера, сейчас забодает бык по имени, наверное, Васька.

Договорить эту мысль внутри себя я тоже не успел, потому что кто-то со всей силы вклинился между мной и рогатым нападающим.

– Борька, стоять!!! – заорал голос, в котором смешались ярость, командирские нотки и что-то до странности приятное на слух.

Рыжая женщина в простом летнем платье схватила бычка за рога с уверенностью, которой я не видел даже у некоторых прапорщиков, дернула его в сторону и залепила такого пинка пониже спины, что животное обиженно замычало и потрусилло прочь, изображая оскорбленную невинность.

Повисла тишина.

Я стоял, моргая, и пытался понять: то ли меня контузило второй раз в жизни, то ли передо мной действительно только что развернулась батальная сцена местного разлива.

Женщина обернулась ко мне. Рыжая коса, растрепавшаяся от борьбы, щеки красные – то ли от злости, то ли от жары, то ли от того и другого сразу. Она уперла руки в бока и посмотрела на меня снизу вверх, словно я был виноват в случившемся.

– Дурак рогатый! – рявкнула она в спину удаляющемуся бычку. Потом снова перевела взгляд на меня. – Это гость бабы Тони! Нельзя его бодать!

– Спасибо, – выдавил я из себя, стараясь, чтобы голос звучал так, будто меня каждый день спасают от быков женщины с косой до пояса. – Впечатляющий захват. Где служили?

– В огороде, – фыркнула она. – Двадцать лет практики. А вы, товарищ военный, в следующий раз смотрите по сторонам внимательно. У нас тут не парадный плац.

Товарищ военный? Ну надо же.

Я невольно улыбнулся, впервые за последние, кажется, недели три улыбка получилась сама, без усилия, без того, чтобы напоминать себе, что улыбаться людям – это вежливо.

– Борис, – представился я, протягивая руку.

Она замерла на секунду, глянула на мою ладонь так, будто там могла притаиться вторая засада, потом все-таки пожала. Рука оказалась крепкой, мозолистой – не городская неженка, это точно.

– Странное совпадение, – хмыкнула она. – Бычка моего тоже Борька зовут.

Замечательно. Приехал в отпуск – и тут же обзавелся тезкой с рогами.

– Надеюсь, характер у нас разный, – заметил я.

– Поживем – увидим, – она смерила меня взглядом, в котором мелькнуло что-то среднее между насмешкой и любопытством, а потом развернулась и пошла прочь, не прощаясь, но и не так быстро, как могла бы.

Баба Тоня, до этого благоразумно наблюдавшая издали, подлетела ко мне с горящими глазами.

– Ой, Боренька, а ты знаешь, кто это была? Вероника! Самойлова! Незамужняя! Хозяйство свое, руки золотые, характер – огонь, между прочим, одна девка на всю деревню, за которой мужики табунами ходят, да только она никого к себе не подпускает!

Началось.

– Баб Тонь, я на отдых приехал, а не свататься.

– А кто говорит про свататься? – бабуля захлопала ресницами с невинностью, которая обманула бы разве что того самого бычка. – Я просто рассказываю, кто у нас в деревне живет. Информация, Боренька, чистая информация.

Я промолчал, поднял рюкзак, и снова эта проклятая нога, снова тянущая боль в боку, которую я поспешил спрятать за очередной вежливой улыбкой, прежде чем бабушка успела что-то заметить своим орлиным взглядом.

Не до любви мне сейчас, ясно? Мне бы для начала снова научиться нормально ходить, чтобы очередной бычок – двуногий или четвероногий – не заметил, что я не такой уж и «орел», как меня тут расписывают.

Мы пошли к дому. Баба Тоня что-то щебетала про соседей, про урожай, про то, что «Вероничка вчера как раз банку варенья через забор передавала – заходи, мол, не стесняйся». Я кивал, почти не слушая, но краем глаза заметил: та самая рыжая, уже почти дошедшая до своей калитки, обернулась. Всего на секунду.

И в этот момент я твердо, окончательно решил, что мне определенно не до романов.

Врал себе, конечно. Но красиво.

Глава 2. Вероника

Утро началось как обычно: с петуха, который орал так, будто его лично оскорбил факт восхода солнца, и с Борьки, требовательно бодавшего калитку сарая рогами, мол, хозяйка, где завтрак, я, между прочим, тоже не железный.

– Иду, иду, ирод рогатый, – проворчала я, натягивая сапоги прямо на босу ногу.

Двор встретил меня привычной какофонией: куры кудахтали, коза Дуся драла соседский забор, а из-за плетня доносился голос тети Клавы, которая с самого рассвета уже успела обсудить с соседкой всю деревню и теперь двигалась дальше по списку.

– Вероничка, а слышала? К Тоньке-то внук приезжает! Военный! Красавец!

– Слышала, тетя Клав, – крикнула в ответ, не отрываясь от кормушки. – Вся деревня уже, наверное, слышала, вы ж не тихо это обсуждаете.

– А то! – тетя Клава довольно поправила платок. – Такого парня грех не рассмотреть поближе, а то у нас тут одна ты незамужняя ходишь, скоро в старые девы запишут!

Ну началось. Только рассвело, а уже сватают.

– Мне и так хорошо, тетя Клав, – отрезала я и понесла ведро с водой к загону, всем видом показывая, что тема закрыта.

На самом деле хорошо было не совсем. После истории с Григорием – будь он неладен со своей городской Виолеттой, хотя, чего уж, они хорошая пара, я после первой злости сама это признала, – у меня внутри поселилась какая-то усталая ирония на тему мужчин вообще.

Пробовала – не вышло. Хватит, отпробовалась.

Вот и хорошо, что этот военный приехал ненадолго и точно не по мою душу. Меньше мороки.

Додумать эту здравую мысль мне не дали. За забором, со стороны дома бабы Тони, послышался грохот, сдавленное ругательство и характерный топот копыт.

Борька. И как он, ирод окаянный, выбрался?

Я вылетела за калитку с ведром наперевес и застала картину маслом: мой бычок, вспомнив, видимо, все свои обиды на человечество разом, несясь напрямик на высокого парня в камуфляже, который стоял к нему боком и явно не рассчитал скорость реакции этого рыжего террориста.

– Борька, стоять!!! – заорала я во весь голос.

Дальше действовала на автомате, годы практики не пропьешь. Схватила Борьку за рога, дернула, вцепилась пинка, рывкнула так, что, кажется, распугала половину куриного поголовья в радиусе трех дворов. Бычок обиженно отступил, всем своим видом изображая жертву несправедливости.

И только после этого я позволила себе как следует рассмотреть того, кого только что спасла.

Ох ты ж.

О-хо-хо.

Высокий. Не просто высокий, а такой, что мне пришлось задрать голову. Плечи, которые явно не в спортзале накачаны, а живую, на службе.

Короткая стрижка, взгляд спокойный, немного усталый, но цепкий – оценивающий, как будто он и в мирной жизни продолжал считать выходы из помещения и потенциальные угрозы. И это несмотря на то, что секунду назад его чуть не сделал инвалидом мой собственный бычок.

Ладно, тетя Клава, признаю. Есть на что посмотреть. Я бы вот смотрела долго.

– Дурак рогатый! – выкрикнула я вслед Борьке – больше для порядка, чем по делу, и только потом обернулась к парню. – Это гость бабы Тони! Нельзя его бодать!

– Спасибо, – сказал мужчина ровным голосом, каким, наверное, докладывают начальству о выполнении задачи. – Впечатляющий захват. Где служили?

Юморист нашелся.

– В огороде, – фыркнула. – Двадцать лет практики. А вы, товарищ военный, в следующий раз смотрите по сторонам внимательно. У нас тут не парадный плац.

Он улыбнулся как-то так, словно сам от себя не ожидал. И эта улыбка отчего-то зацепила больше, чем весь остальной впечатляющий комплект: плечи, рост, взгляд.

Так, Самойлова, спокойно. Мужик улыбнулся, и это еще не повод падать штабелем перед ним.

– Борис, – представился он, протягивая руку.

Я на секунду замешкалась, рука у него была большая, ладонь широкая, вся в мозолях, не офисная точно, пожала.

– Странное совпадение, – не удержалась я, кивнув в сторону обиженно сопящего в кустах Борьки. – Бычка моего тоже Борька зовут.

– Надеюсь, характер у нас разный, – заметил он.

– Поживем – увидим, – бросила я, не давая себе времени зависнуть еще на пару секунд дольше, чем было бы прилично, развернулась и пошла к своей калитке.

Держи лицо, Вероника. Просто иди. Не оглядывайся. Просто иди. Господи, во что я одета!

Не удержалась. Оглянулась уже у самой калитки и, конечно, тут же наткнулась на бабу Тоню, которая с сияющим видом что-то щебетала внуку, явно уже успев рассказать ему обо мне все, вплоть до размера обуви.

Час от часу не легче.

Домой я летела с ведром, которое подняла с травы, будто за мной сама Марго гналась. Влетела в сени, шваркнула ведро на пол так, что оно загремело, и уперлась лбом в дверной косяк.

Спокойно. Военный, отпускник, погостит две недели и уедет обратно в свою часть. Ничего личного. Просто внук бабу Тони. Ты уже проходила это с Гришей – хватит с тебя горячих мужиков с трагическим прошлым.

Уверенность продержалась ровно до обеда, когда в дверь постучали, и на пороге спиной к солнцу, так что я сначала разглядела только силуэт, стоял ОН.

– Баба Тоня прислала, – Борис протянул мне пустую банку из-под варенья, которую я вчера через забор передавала. – Сказала, вы забыли крышку получше закрыть, а то, цитирую: «Вероничка вечно все второпях делает».

Ах ты старая сводница.

– Спасибо, – взяла банку, стараясь не встречаться взглядом с мужчиной дольше, чем требует вежливость. – Больше ничего не просила передать?

– Просила, – он на секунду замялся, и мне показалось, что он выглядел не как боевой офицер, а как обычный человек, которому неловко. – Сказала, что у вас забор покосился с той стороны, где загон, и что я, цитирую: «все равно без дела маюсь, вот пусть и поможет».

Убью бабу Тоню. Медленно. С особой жестокостью.

– Не надо, – быстро сказала я. – Сама справлюсь. Я умею молоток держать.

– Я заметил, – он усмехнулся, кивнув в сторону Борьки, который как раз с достоинством прогуливался по загону, всем видом демонстрируя, что инцидент исчерпан. – С хозяйством у вас полный порядок.

Издевается? Или правда?

Прищурилась, пытаюсь понять, шутит он или серьезно, но лицо у него было настолько непроницаемым, что я сдалась.

– Ладно, – буркнула наконец. – Забор так забор. Только учтите, товарищ военный, работать надо, а не только красиво стоять и комментировать.

– Так точно, – он коротко кивнул, в глазах мелькнуло что-то похожее на веселье.

Он развернулся и пошел обратно к дому бабы Тони, а я снова, второй раз за день, поймала себя на том, что смотрю ему вслед чуть дольше, чем следовало бы.

Заходить. Немедленно. И перестать думать о внуке бабы Тони.

Захлопнула дверь, прижалась к ней спиной и посмотрела на пустую банку из-под варенья в руках так, будто она могла дать ответ на вопрос, который я сама себе задавать не собиралась.

Только не влюбись, Самойлова! Только не снова.

Где-то за забором довольно замычал Борька, будто уже знал что-то такое, до чего его хозяйка своим умом дойти пока не успела.

Глава 3. Борис

Забор вчера все-таки поставил. Ровный, крепкий, с новыми жердями. Вероника даже не сразу поверила, что я управился до темноты, стояла, скрестив руки, и шурилась на мою работу с подозрением, будто ждала подвоха.

– Не покосится? – спросила она с недоверием бывшего прораба.

– Гарантия – год, – ответил я. – Или второй бычок бесплатно.

Она фыркнула, но что-то в ее взгляде смягчилось, и это, пожалуй, был лучший результат работы за весь вечер, лучше даже самого забора.

Расплатой за геройство стала бессонная ночь. Часа в два я все-таки сдался, встал, стараясь не скрипеть половицами, и в темноте, на ощупь, снял старую повязку с бока.

Рана держалась – не сказать, что хорошо, но и не сказать, что плохо. Просто она была из тех, которые напоминают о себе каждый раз, когда ты забываешь о ее существовании и делаешь что-то полезное вроде вкапывания столбов.

Молодец, Ушаков. Три недели как выписан и уже героически машешь киянкой на радость соседке. Врач бы тобой гордился. Если бы не убил на месте.

Наложил свежую повязку, тихо выругался, когда бинт зацепился за шов, и вернулся в кровать с чувством выполненного, но крайне глупого долга.

Утром баба Тоня разбудила меня запахом блинчиков, который проникал сквозь стены эффективнее любой сигнализации.

– Боренька, вставай, стынет!

За столом она смотрела на меня с таким видом, словно что-то задумала, готовая начать военную операцию под прикрытием разговора о погоде.

– Забор-то вон как ладно вышел, – начала издали, наливая мне чай через край, отчего блюдце превратилось в маленькое озеро. – Вероничка мне утром сказала – говорит, лучше, чем у мужиков местных, выходит. А местные-то, между прочим, всю жизнь заборы ставят.

– Приятно, – сказал я, стараясь, чтобы голос звучал нейтрально, хотя внутри что-то предательски потеплело от одной мысли, что она вообще об этом кому-то рассказывала.

– И вот я думаю, – баба Тоня подперла щеку рукой, глядя на меня с прищуром генштабиста, разрабатывающего операцию, – раз тебе так хорошо с молотком, чего бы тебе не заглянуть к ней еще разок? Мало ли, может, где полка покосилась или крыльцо...

– Баб Тонь.

– Молчу, молчу, – она подняла руки, но глаза продолжали хитро блеснуть. – Просто размышляю вслух. Свободная страна.

Свободная страна, в которой моя собственная бабушка занимается сватовством с профессионализмом брачного агентства.

После завтрака вышел во двор размяться, проверить, слушается ли меня нога после вчерашнего, и почти сразу столкнулся с парой, идущей по улице. Высокий мужчина с обветренным лицом человека, который явно больше знаком с инструментом, чем с офисным креслом, и девушка рядом с ним. Светлые волосы, чуть насмешливый взгляд.

– Вы, наверное, тот самый герой, – сказала девушка, останавливаясь и разглядывая меня с нескрываемым любопытством. – Который вчера забор Веронике за один вечер починил. У нас об этом уже вся деревня знает, я не шучу. Скорость распространения информации здесь опережает интернет.

– Не думал, что это событие федерального масштаба, – усмехнулся я.

– У нас тут любое событие федерального масштаба, – хмыкнул мужчина и протянул руку. – Григорий. А это Виолетта, моя невеста.

– Борис, – пожал руку, отметив крепкую хватку – не показную, а рабочую. – Внук Антонины Петровны.

– Знаем, знаем, – кивнула Виолетта. – У нас тут секретов не бывает физически, деревня слишком маленькая для секретов. Да и мы видели ваше триумфальное прибытие.

Ой, если бы вы знали.

– Мы, собственно, шли мимо и решили познакомиться, – Григорий кивнул в сторону дома напротив. – Соседи как-никак. К тому же, – он бросил на девушку быстрый взгляд, в котором явно читалась какая-то внутренняя шутка, – у нас к вам есть небольшое дело.

– Дело? – насторожился я.

– Вероника, – коротко сказала Виолетта, и оба они посмотрели на меня с таким выражением, будто уже прочитали весь мой внутренний монолог целиком, включая примечания мелким шрифтом.

Час от часу не легче. Уже вторая пара сватов за одно утро.

– Она отличная, правда, – поспешно добавила Виолетта, заметив, видимо, что-то на моем лице. – Просто... с характером. Крепким характером. Такая, знаете, из тех, кто сначала ударит, а уже потом объяснит, за что ударила.

– Я уже успел оценить силу удара, – заметил я, вспомнив вчерашний пинок, с помощью которого Борька-бычок улетел в кусты. – Впечатляюще.

Григорий издал звук, подозрительно похожий на сдавленный смех, за что тут же получил от невесты незаметный, но чувствительный тычок локтем.

– Мы с Вероникой... в некотором роде старые знакомые, – произнес он осторожно, подбирая слова, зная, что невеста стоит рядом и внимательно слушает. – Скажем так, до Виолетты. Она нормально к этому относится теперь. В целом.

– В целом, – со значением повторила Виолетта, но улыбка у нее была скорее веселая, чем ревнивая. – Короче говоря, мы знаем ее давно и хорошо и, честно говоря, будем рады, если рядом с ней окажется кто-то, кто не сбежит после первого же скандала. А скандалы будут, я вас предупреждаю сразу, из милосердия.

Замечательно. Мне только что выдали техническое задание.

– Я, вообще-то, приехал отдохнуть, – сказал я, стараясь, чтобы фраза прозвучала твердо, а не так, будто я оправдываюсь. – Не жениться.

– Ну естественно, – легко согласился Григорий, но в глазах у него мелькнуло что-то очень похожее на веселое злорадство. – Никто и не говорит про жениться. Просто, знаете, за забором для соседки не заходят по десять раз, если не хочется зайти в одиннадцатый.

– Гриш, – Виолетта коротко на него глянула, но было видно, что она сама еле сдерживает смех.

Договорить нам не дали. Из-за угла с деловитым криканьем показалась знакомая уже утка, следом за ней с явным намерением ее догнать – Борька, которому, судя по всему, надоело сидеть в загоне и захотелось разнообразия в виде утиной охоты.

– Марго, беги! – заорал Григорий, срываясь с места с прытью, неожиданной для человека его комплекции.

Следующие тридцать секунд прошли в формате локальной боевой операции: Григорий пытался поймать утку, утка металась зигзагами, явно отработанными не в первый раз, а бычок носился за обоими. Виолетта стояла рядом со мной, качая головой.

– Это у нас регулярно, – пояснила она, наблюдая за представлением с видом человека, давно смилившегося с местным укладом. – Марго считает себя альфой этой улицы. Борька с этим категорически не согласен.

– Понимаю животное, – заметил я, глядя, как Григорий наконец настигает утку, и та с достоинством позволяет взять себя на руки, показывая, что просто из вежливости прекратила бег.

Бычок, оставшись без цели, притормозил рядом со мной и уставился с явным намерением продолжить вчерашнее знакомство рогами.

– Даже не думай, – сказал я ему тихо и твердо.

Борька, как ни странно, посмотрел на меня, шумно фыркнул и – вот уж действительно чудо – отступил, потрусив прочь с независимым видом.

– Ого, – Виолетта приподняла брови. – А с ним вообще никто, кроме Вероники, договориться не может.

Отлично. Теперь я еще и с быками нахожу общий язык лучше, чем с людьми. Может, оно и к лучшему – молчаливое общество мне сейчас понятнее.

Григорий вернулся с недовольной Марго под мышкой, отдуваясь.

– Вот так у нас каждый день, – сказал он, переводя дыхание. – Скучать точно не придется.

– Заметил, – коротко ответил я.

– Значит, заходите вечером, – неожиданно предложила Виолетта. – Мы чай собираем на веранде, соседей зовем иногда. Заодно и Веронику позовем, – добавила она с абсолютно невинным выражением лица, которое, впрочем, не обмануло бы даже Марго.

Час от часу не легче.

– Посмотрим, – уклончиво ответил я, хотя внутренний голос уже успел подленько заметить, что отказываться я не собираюсь.

Они пошли дальше по улице, и до меня донесся обрывок разговора – Григорий что-то говорил вполголоса, а Виолетта смеялась в ответ, легко, по-домашнему. Хорошая пара. Видно сразу.

Может, и мне так повезет когда-нибудь. Если, конечно, доживу до момента, когда смогу нормально сказать женищине правду вместо того, чтобы прятать швы под рубашкой.

Додумать эту мысль мне не дали – в кармане завибрировал телефон. Незнакомый номер, код города – не местный, не областной, вообще не тот, что должен был мне звонить, пока я числюсь в резерве «до полного восстановления».

Я посмотрел на экран несколько секунд, прежде чем убрать телефон обратно в карман, так и не ответив.

Не сегодня. Сегодня у меня чай на веранде и рыжая заноза, с которой еще предстоит разобраться. А это подождет.

Хотя что-то подсказывало – ждать оно, скорее всего, не станет.

Глава 4. Вероника

Утром я честно пыталась делать вид, что вчера ничего не произошло. Забор как забор. Мужик как мужик. Помог – спасибо, разошлись – и все, инцидент исчерпан.

Врала себе примерно так же убедительно, как Марго Георгия притворяется мирной уткой.

За делами, а дел у меня всегда хватало на троих, то и дело ловила себя на том, что смотрю в сторону дома бабы Тони чаще, чем того требует простое соседское любопытство.

Один раз даже застыла с тряпкой в руках, разглядывая, не мелькнет ли где камуфляж, и опомнилась, только когда тряпка капнула водой прямо на ногу.

Так, Самойлова. Тебе двадцать девять, а не пятнадцать. Хватит пялиться на чужие заборы.

К обеду ситуация усугубилась, под окном остановились тетя Клава и Матвевна, и, судя по громкости, они даже не подозревали, что их слышно на всю улицу.

– А я тебе говорю, Тонька своего Бореньку женить решила, – вещала тетя Клава с интонацией диктора центрального телевидения. – Уже и по деревне таскает, знакомит со всеми, кто в юбке. И к Веронике его подослала – забор чинить. Знаю я эти заборы, видала я таких плотников.

– А Вероника-то как? – с готовностью подхватила Матвевна.

– А что Вероника? – тетя Клава фыркнула так, что я это отчетливо услышала даже через закрытое окно. – Ей бы хоть кого, лишь бы замуж, годы-то идут.

Ну спасибо, тетя Клава. Очень ободряюще.

Отошла от окна, чувствуя, как внутри поднимается знакомое тяжелое раздражение не столько на саму сплетню, сколько на то, с какой легкостью деревня в очередной раз решила распорядиться моей личной жизнью без моего участия.

Мне только замужества с очередным мужиком и не хватало. Только-только от одной истории отошла.

Григория я вспоминала уже спокойно, без злости, сама себе удивлялась, как быстро прошло. Наверное, потому что там, если честно, никогда особо и не было ничего серьезного, только моя привычка цепляться за то, что рядом, лишь бы не оставаться одной.

Стыдно было не за чувства, а за то, как откровенно я вешалась на человека, который на меня даже не смотрел так, как смотрел на свою городскую.

Но были в деревне пересуды и похуже той истории. Такие, от которых у меня до сих пор что-то внутри сжимается, стоит только услышать, как кто-то за спиной понижает голос.

Три года назад, когда я еще была замужем за Захаром.

Не думай об этом. Незачем.

Не думать не получилось. Память, зараза такая, никогда не спрашивает разрешения. Захар сначала был нормальным, даже хорошим, а потом деньги посыпались, и он начал пить.

А выпив, начал распускать руки. Сначала – толкнет, потом – раз ударит, «просто сорвался», извинится, принесет цветы. Я терпела, как терпят многие, убеждая себя, что это пройдет, что он «остепенится».

Не прошло.

В тот вечер он замахнулся в третий раз за неделю, и что-то во мне окончательно оборвалось. Не помню точно, что было потом.

Помню только, что кухонная скалка оказалась у меня в руке быстрее, чем я успела подумать. Захар оказался на полу, а потом в больнице с сотрясением и сломанной челюстью. Ближе к утру уже в областной, потому что местные врачи испугались тяжести.

Деревня, конечно, разделилась. Одни говорили – так и надо, давно пора было. Другие шептались, что «Вероника чуть мужика не убила», округляя глаза так, словно это я была виновата в том, что он поднял на меня руку в третий раз за неделю.

Захар после того случая уехал, заявление на меня не написал, и на том спасибо. Хотел, но я ему пригрозила, что расскажу про его побои, а ему это тогда было невыгодно. Развод оформили быстро, тихо, и с тех пор я живу одна, своим хозяйством и мужиков к себе не подпускаю дальше забора.

И правильно делаю. Один раз обожглась так, что до сих пор шрам, второго не будет. А с Гришей – это так, ерунда была, так сказать, для здоровья.

С тех пор минуло три года, шепотки почти утихли, деревня нашла себе новые темы для обсуждения – то Гриша с городской, то теперь вот новый военный, тезка моего бычка.

Но осадок остался, та особая настороженность, с которой некоторые до сих пор косятся, будто прикидывают, не схвачусь ли я снова за что-нибудь тяжелое, если что не по мне.

Ничего, пусть косятся. Мне чужое мнение дороже спокойствия не встанет. Большие – никогда.

Додумать эту невеселую мысль до конца не дала калитка, она скрипнула, впустив во двор высокую фигуру в камуфляжной футболке, с сумкой инструментов, которую вчера я уже видела в деле.

Час от часу не легче. Опять он.

– Баба Тоня прислала, – Борис виновато развел руками, будто извиняясь заранее за всю затею. – Говорит, у вас со стороны забора совсем плохой, вот-вот упадет, а я – снова цитирую: «все равно без дела маюсь».

– У меня уже есть один забор, который вы вчера починили, – заметила, выйдя на крыльцо, спускаясь к нему, скрестив руки на груди. – Куда мне еще один?

– Я тоже пытался ей это объяснить, – он усмехнулся, но в этой усмешке было что-то усталое, будто разговор с бабой Тоней дался ему тяжелее, чем весь вчерашний труд. – Без особого успеха.

Узнаю бабулю.

Я хотела было снова отказаться, из принципа, чтобы деревня не решила, будто я и правда легко клюю на первого встречного с молотком, но тут заметила то, на что вчера в суматохе с бычком внимания не обратила.

Борис шел неровно. Едва заметно, стараясь скрыть это за уверенным шагом, но левая нога у него чуть-чуть подволакивалась, а рука на секунду метнулась к боку – привычным, почти автоматическим движением, будто проверяла что-то, что не должно было болеть, но болело.

Так. А это уже интересно.

– Что с ногой? – спросила напрямую, потому что вилять и деликатничать я не умею, никогда не умела.

Он на секунду замер, ровно на секунду, но этого хватило, чтобы понять: вопрос попал точно в цель, туда, куда он совсем не планировал никого пускать.

– Забор вчера тяжелый попался, – сказал ровным голосом. – Мышцу потянул.

Ой, ври больше, товарищ военный.

Мышцу от вкапывания столбов не тянет так, чтобы на второй день еще и рукой к боку прижиматься, будто там свежая рана. Но настаивать я не стала, видела достаточно людей, которые прячут раны, чтобы понять: чем сильнее давишь, тем сильнее человек закрывается.

Ладно, товарищ военный. Пока прощу тебе вранье. Но запомню.

– Тогда, может, не будете сегодня ничего вкапывать? – сказала вместо этого, кивнув на его сумку с инструментом. – Забор подождет. Хотите чаю?

Он посмотрел на меня с искренним удивлением, будто не ожидал, что вместо новой порции сарказма получит предложение сесть и отдохнуть.

– Не откажусь, – в голосе у него прозвучало что-то, отдаленно похожее на облегчение.

Развернувшись, поднялась на крыльцо, чувствуя на спине его взгляд, и только у самой двери позволила себе усмехнуться – тихо, чтобы он не видел.

Так, Самойлова. Значит, у товарища военного есть свой скелет в шкафу. Что ж, у меня тоже есть. Может, оно и правильно, что мы оба умеем молчать.

За спиной послышалось, как мужчина тяжело опустился на скамейку у крыльца, слишком тяжело для человека, который якобы просто потянул мышцу, и что-то в моей груди дрогнуло совсем не так, как должно дрожать у женщины, давшей себе слово больше не подпускать к себе мужчин.

Только этого мне и не хватало. Еще одной загадки на мою голову.

Но, наливая чай, я поймала себя на том, что чувствую не тревогу при мысли о чужой тайне, а самое обыкновенное, почти забытое любопытство. Мне уже захотелось разгадать этого Бориса.

Глава 5. Борис

Молоток лежал в руке привычно, а вот голова наотрез отказывалась заниматься тем, чем должна была заниматься.

Штакетины, гвозди, ровная линия забора – все это существовало где-то на периферии, а в центре внимания настойчиво устроилась Вероника, ее сарафан и то, что происходило под этим сарафаном при каждом ее движении.

Соберись, Ушаков. Ты забор чинишь, а не диверсию в тылу врага готовишь.

Утро началось буднично, если, конечно, считать буднями завтрак под артиллерийским обстрелом бабушкиных намеков. Баба Тоня тогда поставила передо мной тарелку блинов с таким торжественным видом, будто вручала орден, и объявила:

– У тебя сегодня боевая задача, внучек.

– Слушаю, – сказал, уже привычно готовясь к худшему.

– Забор у Вероники со стороны загона совсем плохой стал. Того гляди рухнет, Борька весь огород разнесет. Пойдешь, поможешь.

– Баб Тонь, я вчера уже один забор ей поставил.

– Так у нее их два, – она пожала плечами с абсолютно невинным видом штабного стратега, который только что придумал гениальный план и не собирается его раскрывать раньше времени. – Хозяйство большое. Не переживай, справишься, ты у меня орел.

Орел, который два дня подряд получает одно и то же задание от одного и того же генерала в цветастом халате.

Спорить было бесполезно, да и, если совсем честно, спорить особо не хотелось. Взял инструмент, пошел и уже у калитки поймал себя на том, что иду быстрее обычного, а это, между прочим, странно для человека, который якобы приехал отдыхать, а не выполнять внеплановые задания на фронте деревенского сватовства.

Встретила меня Вероника на крыльце, скрестив руки, и первым делом отчитала за то, что забор ей вчерашний, оказывается, не нужен был, а второй, сегодняшний, тем более. Я тогда стоял и честно пытался вникнуть в смысл претензий, но получалось плохо, потому что все внимание утекало совсем в другую сторону.

Так, спокойно. Мужик ты или где?

Она была не то чтобы красива в глянцево-м смысле, а как-то иначе, объемно, по-настоящему. И как я это не заметил с первого раза?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.